

«1984» с нами

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения английского писателя Джорджа Оруэлла (1903–1950). Когда в начале перестройки в переводе на русский язык были открыто напечатаны две его самые известные антиутопии — «1984» и «Скотный двор», все поняли, что в обществе произошли крутые перемены. Но, оказывается, и при глубокой советской власти творчеством Оруэлла пристально интересовались в московских компетентных органах. Об этом рассказывает читателям «Времени МН» известный журналист-международник Геннадий Герасимов. Своими размышлениями также делятся писатели Владимир Войнович, Александр Генис и Александр Кабаков.

Геннадий Герасимов

«Большой Брат», «новояз», утверждение «Все животные (люди) равны, но некоторые равнее других», это все от Эрика Артура Блэра, принявшего псевдоним Джордж Оруэлл. И даже «холодная война». Порой авторство этого выражения приписывают патриарху американской журналистики Уолтеру Липману и к 1947 году. Но еще в 1945 году, предвидя ссору недавних союзников, Оруэлл написал о «холодной войне» в английском еженедельнике «Трибюн», который и редактировал.

В Англии к юбилейной дате вышли сразу две новые его биографии (Д. Тейлора и Гордона Боукера). Несколько ранее появилась книга Кристофера Хиггенса «Почему Оруэлл современен». Корпорация Би-би-си показала 14 июня фильм о судьбе писателя (его погубил туберкулез в 50 лет). В Сан-Франциско в конце июня пройдет фестиваль Оруэлла. В колледже Уэлсли под Бостоном в середине июня состоялась юбилейная конференция. А три года назад вышло полное собрание сочинений и писем Оруэлла в 20 томах.

У нас он известен двумя сатирическими произведениями: сказкой-аллегорией «Скотный двор» и романом «1984». Поскольку мишенью его сарказма была наша страна, имя писателя если где и упоминали, то с отменной антисоветчиной. Держать его книги в руках было небезопасно.

«Секретный документ»

У начальства, однако, было кое-какое любопытство насчет того, что он про нас там в своих сочинениях понаписал. И в том самом 1984 году я получил ответственное задание от издательства «Прогресс». Была в нем редакция специздат, занимавшаяся выпуском минимальным тиражом переводов, чтобы не быть совсем уж интеллектуально самозамурованным от политической мысли Запада. Романы, конечно, не переводились. Но поскольку «антисоветские круги» в юбилейный для романа год подняли вокруг него «пропагандистский шаш», решили-таки издать «1984». А для подстраховки предрезать роман предисловием, за которое я и засел.

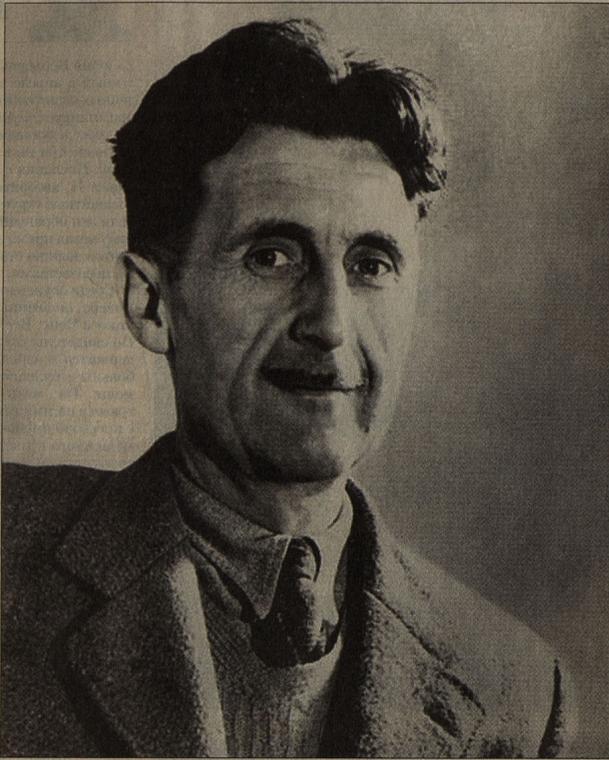
Книжки редакции специздат рассылались по узким спискам, утверждаемым персонально у Михаила Суслова. В них добавлялся вкладыв, вполне соответствующий духу общества, описывавшегося в романе. В частности, там говорилось: «Книга направляется вам лично в целях информации. Хранение такой литературы приравнивается к хранению секретных документов... По минованию надобности книгу надлежит сдать в секретный отдел для уничтожения по акту». У меня таких книг — две длинные полки. Не сдавал, поскольку «надобность» никак не могла «миновать».

Мне пришлось крепко подумать, как объяснить начальству, приравнявшему роман к секретным документам, что это про него написано, только гротеском, в духе Михаила Салтыкова-Щедрина (для англичан — в духе Джонатана Свифта), и при этом так, чтобы начальство не обиделось.

Вспомнил предшественников Оруэлла: Евгения Замыatina («Мы», 1924) и Одоса Хаксли («Прекрасный новый мир», 1932), а также разрозненные, даже обсканного у нас и подзабытого на родине Джека Лондона («Железная пята», 1908). Отметил, в чем и сейчас уверен, что лидирующее положение книги Оруэлла объясняется прежде всего его появлением в 1949 году, когда набирала темпы «холодная война», а не какими-то особыми густо литературными достоинствами. Сам Оруэлл называл себя «памфлетистом».

Свой «творческий метод» он объяснял так: «Когда я сейчас пишу книгу, я не говорю себе о том, что я хочу создать произведение искусства. Я пишу ее потому, что есть какая-то ложь, которую я должен разоблачать...»

Главным для Оруэлла была правда, чтобы люди твердо знали, что 2 x 2 = 4.

а не 5, как того требовала Партия в «1984», или же, при изменении политической конъюнктуры, 3.

Вот и резал правду-матку писатель в своих книгах. Я же написал в предисловии для начальства, что в книгах речь идет не о тенденциях коммунистического общества, а вообще о тоталитарных тенденциях. А они могут прятаться самыми различными идеологиями, включая фашизм или религиозный экстремизм. По наблюдению Оруэлла, любая ортодоксия чревата тоталитаризмом. Он упоминает иудаизм, но сюда можно добавить сегодня исламский фундаментализм.

Тенденция, однако

Советского Союза нет вот уже 12 лет. И социализма на просторах нашей родины, и строительства коммунизма тоже нет. А Оруэлла в мире продолжают читать. Значит, дело не в его антисоветизме. Описанный режим или основные его черты пережили 1984 год. Андрей Амальрик, писатель и дисидент, автор книги «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?» и отвечавший утвердительно на этот вопрос, ошибся не на слишком уж много лет. Тенденция, однако, была отмечена. Но оруэлловские образы перекочевали в другие места, порою даже не так уж далеко от Москвы. Западная печать называет Северную Корею и Бирму, но читатель сам может легко удлинить список.

По подсчетам одного исследователя, из 137 предсказаний Оруэлла более ста уже сбылось. Хотя он не Нострадамус, не пророк, не ясновидец. Но правдолюбец. Родился в Индии. Поработав в Бирме, проникся сочувствием к обездоленным. В Англии жил с рабочими, описал их нелегкую жизнь в книге «Дорога к пирсу Вигану».

Когда в Испании началась гражданская война, Оруэлл отправился туда помогать республиканцам в бригаду им. Ленина в Барселону, воевал, был ранен в горло снайперской пулей. Бдительные товарищи из Москвы, контролировавшие город, сочли его троцкистом, стали преследовать. Люди, воевавшие с Франком, оказывались большими врагами, чем фашисты. Сейчас в Мадриде и в Москве исследователи нашли в архивах доносы и протоколы допросов работниками НКВД Эрика Блэра и его жены Айлин.

Критики считают книгу Оруэлла «Дань Каталонии» лучшей из написанных о гражданской войне в Испании.

Все исследователи творчества писателя согласны в том, что встреча с НКВД открыла ему глаза на сущность сталинизма и предопределила появление «Скотного двора», написанного в 1943 году. В этой притче рассказывается о том, как животные, восстав против хозяина-эксплуататора, взяли хозяйство в свои руки, постепенно его развалили, а первоначальный лозунг насчет равенства животных дополнили уточнением, что некоторые равнее. Эти некоторые — бюрократия и возвышающийся над ней хряк-вождь. В сказке легко проглядывался краткий курс советской истории.

Но шла война, и издатель отклонил рукопись: Сталин был союзником. Книгу опубликовали позднее — и, как говорится, Оруэлл проснулся знаменитым. Но, повторюсь, Советского Союза нет, а сказку читают... И живучесть ее в том, что много меткого сказано и о западном демократическом обществе, и о человеческой природе вообще.

По сказке получается, что животные,

строившие социалистическое общество без хозяев, в итоге переродились в хозяев, став на задние лапы и отбросив социальные заботы. А простые животные оказались даже в худшем положении, чем при хозяине. Не похоже ли это на вхождение в новую власть у нас прежней партийной номенклатуры и бюрократии? Мораль сей басни грустна: революционные порывы к провозглашенной цели не приводят. На всякую революцию будет свой термидор. Оруэлл задает неудобный вопрос: «Есть ли смысл в изменении системы до того, как улучшилась природа человека?»

Желающие отыщут схожие мотивы в «Собачем сердце» Михаила Булгакова (1925).

А Джек Лондон в своей «Железной пите» горевал: «Следом за капитализмом должен прийти социализм... А вместо этого, к нашему удивлению и ужасу, капитализм дал еще один чудовищный полог — олигархию».

Написано 95 лет тому назад. Ни в «Дворе», ни в «1984» Советский Союз ни разу не упомянут. Да и само название произвольно. Автор уединился на остров Юра у голландских берегов, где в тишине и создавал свою книгу, а закончив, на последней странице рукописи поставил дату: 1948. Заголовка же не было. Тогда Оруэлл просто переставил две последние цифры. Сего легкой руки этот год широко шагнул в политику и литературу. Впрочем, некоторые публицисты весь XX век называют «веком Оруэлла».

2 x 2 = 5

Конечно, Оруэлл имел в виду и Советский Союз, но и здесь, как и в сказке, он говорит о тоталитарных тенденциях, которые были и будут, поскольку т. н. людям доброй воли никогда не объединиться, да и не рвутся они к власти, не властолюбивы. Сам же Оруэлл не был антисоветчиком, он был антисталинистом. В 1948 году он писал: «Русская коммунистическая партия пошла путем, который

Ленин, будь он жив, вряд ли бы одобрил». Оруэлл, таким образом, верил в социализм с человеческим лицом, что что-то можно переделать, а не все ломать.

Тема «власть и человек», конечно, в наборе литературных сюжетов. Можно упомянуть «Медный всадник» Александра Пушкина. Маленького, но жаждущего свободы героя книги Уинстона Смита государственная машина в конце концов ломает, превращая в «винтик». Вся жизнь, вплоть до сугубо личной (этим занимается Антисексуальная лига), регламентирована, за всем следит Большой Брат с помощью интерактивного телевидения, при котором не отключаемых телекамеры (теперь нас окружают телекамеры), его образ — на плакатах, его бюсты — повсюду, он — предмет обожания, страха и благоговения (такое я видел в Багдаде Садама Хусейна, но сохранились и другие столпы). Сам Уинстон занимается переписыванием истории в соответствии с требованием момента (вспомним замену статьи «Берия» в БСЭ на расширенный вариант статьи «Берингово море»). Нежелательные факты истории отравлялись в «дыру забвения». Министерство правды обманывает людей макулатурой с романоделующих машин и сочиненными машинами же шлягерами. Цель Партии — «ликвидировать всякую возможность самостоятельного мышления». И даже больше, заставить всех любить Большого Брата, в чем в конце романа Уинстон и признается. Он усвоил «двоумислие» — говорить заведомую ложь и верить ей (вспомним партсобрания).

Приучая Уинстона к партийной дисциплине, партполитработник О'Брайен спрашивает, сколько будет дважды два. И в итоге «обучения» с пытками добивается убеждения, что дважды два не обязательно четыре, а как решит Партия.

И сейчас живут оруэлловские идеи и образы, потому и используют их вновь и вновь журналисты.

Упомянувший Сафайр пишет: Оруэлл живет в Америке. Журналисты возмущают планы создания «Системы тотальной информативной прозрачности» (Total Information Awareness System), когда на каждого гражданина США будет заведено досье на базе его «заявки на получение загранпаспорта, водительских прав, квитанций дорожных сборов, жалоб соседям в ФБР, и, вдобавок, слежение камерами — мечта супероглядателя осуществлена». Недавнее правительство переименовало проект в «Систему террористической прозрачности», благо сокращение осталось то же. TIAS, Total Terrorist Awareness System. Эти планы получили отпор как от леволиберального журнала «Нэйшн»,

Министерство любви занимается политическим сыском и перевоспитанием, как бы мы сейчас сказали, диссидентов. У нас тоже «перевоспитывали», вплоть до лагерей и психушек. Ради них же, заблудших.

Министерство правды занимается ложью и пропагандой. На память приходит Агитпроп.

Министерство мира занимается в романе войной. У нас же гребло экономику непомерными амбициями сравниться арифметически с Америкой + НАТО + Китаем по танкам, ракетам и прочим оказавшимся ненужными предметам.

Министерство изобилия занималось у Оруэлла экономикой, распределяя купоны и карточки, поскольку хозяйство работало из рук вон плохо.

«Лагерь радости» был, разумеется, исправительно-трудовым. Как тут не вспомнить надписи на воротах немецких концлагерей: «Работа делает свободным».

Новояз жив и развивается. «Сопутствующий ущерб» в Югославии и в Ираке — это жертвы среди гражданских лиц и разрушение их жилищ. «Антитеррористическая акция» в Чечне — это просто война.

Или упомяну наше словоизобретение: «черный пиар». В английском такого еще не придумали. Есть «пи-ар», «отношения с общественностью» «public relations». По-честному. А наш «черный пиар» в переводе на человеческий язык — клевета.

И сейчас живут оруэлловские идеи и образы, потому и используют их вновь и вновь журналисты.

Упомянувший Сафайр пишет: Оруэлл живет в Америке. Журналисты возмущают планы создания «Системы тотальной информативной прозрачности» (Total Information Awareness System), когда на каждого гражданина США будет заведено досье на базе его «заявки на получение загранпаспорта, водительских прав, квитанций дорожных сборов, жалоб соседям в ФБР, и, вдобавок, слежение камерами — мечта супероглядателя осуществлена». Недавнее правительство переименовало проект в «Систему террористической прозрачности», благо сокращение осталось то же. TIAS, Total Terrorist Awareness System. Эти планы получили отпор как от леволиберального журнала «Нэйшн»,

так и от ультраконсервативного журнала «Нешнл ревью». Оба написали: «Большой Брат приехал».

Или заголовок статьи в газете «Нью-Йорк таймс»: «Большой Брат следит за вами. Без оправдывающих документов». Или в «Интернашнл геральд трибюн»: «Ужасающие призраки Джорджа Оруэлла — среди нас».

После теракта 11 сентября 2001 года в стране было создано «министерство отечества» с полномочиями, по мнению многих, вполне из «1984». А Федеральная комиссия по коммуникациям по главе с Майклом Пауэллом (сыном государственного секретаря) принимает меры к концентрации телевидения в руках прирученных шести гигантов для улучшения контроля над передаваемой информацией. Что-то напоминает...

К 2005 году правительство обязало производителей мобильных телефонов снабжать свою продукцию устройством, позволяющим при желании определять местоположение звонящего. С одной стороны, неплохая мера против телефонных террористов; с другой стороны, это нарушение частной жизни, столь ценимой в Америке.

Эти и подобные меры расцениваются американскими правозащитниками как использование предлога борьбы с терроризмом для наступления на гражданские права. И не только они. Сенат штата Гавайи одобрил в мае резолюцию, в которой говорится, что «недавнее принятие Патриотического акта и других законодательных мер может в нарушении Конституции позволить федеральному правительству нарушать фундаментальные свободы с нарушением должного судебного процесса, частной жизни, позволять проводить необоснованные обыски и задержания, нарушать основные свободы, гарантированные Первой поправкой...».

Бывший вице-президент страны Альберт Гор считает, что нынешняя администрация «продвинулась к кошмару Большого Брата дальше, чем кто-то когда бы себе позволял».

Оруэлл актуален со своими предупреждениями. В этом ему помогает научно-технический прогресс, не сочетающийся с прогрессом в человеческих отношениях.

Слова и смысл

В оруэлловском мире используется новояз. В конце «1984» есть о нем очерк. В новоязе ограничивается число используемых слов, только самые необходимые, исключение делается лишь для научнотехнической терминологии. Слова обычнo имеют смысл, обратный реальности.

Китайские актеры в спектакле Китайского центрального академического театра драмы, поставленном по «Скотному двору» Оруэлла

Любовь: тайная угроза

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ

Хрестоматийный образец оруэлловской антиутопии — роман «1984» — я с первого нелегального чтения за одну ночь лет тридцать назад воспринял прежде всего не как политическую сатиру, не как памфлет на строй, при котором тогда жил, а как роман о любви.

Конечно, поразительное сходство нашего тогдашнего общественного устройства с тем, которое было изображено никогда не бывавшим в СССР англичанином, было в глаза. Но, честно говоря, мне казалось в то время, да и сейчас кажется, что памфлет на коммунизм написать нетрудно. Советская власть сама подставлялась, ее безумие, черный юморизм и безнадежность мы все, полудиссиденты кухонного разлива, отчетливо видели, а некоторые более или менее удачно и пытались фиксировать — кто в беседах шепотом, а кто и в потаенных сочинениях.

А Оруэлл обнаружил такую фундаментальную закономерность тоталитаризма, которую, насколько я помню, никто из нас тогда не замечал: опаснейшим внутренним врагом советской власти была обыкновенная плотская любовь. Мы были молоды, легко пускались в отчаяннейшие романсы и не задумывались над тем, почему в ханжеском, тоскливом, застойном Советском Союзе эти романы пронизывали все общество. Тайная любовь держалась в тайне прежде всего от государства, мы на бессознательном уровне ощущали постель как ячейку антисоветского подполья. И Оруэлл подтвердил наши ощущения, прямо заявив — тоталитарное государство есть негнримируемый враг любви, а любовь в нем может быть только тайной, но и такая обречена.

Теперь я думаю об оруэлловской любви шире. Мне кажется, что он имел в виду показать враждебность всякого общества любви, ее вечную «противозаконность». Мысль эта невеселая, но Оруэлл вообще весьма сумрачный сочинитель.

Под колпаком

АЛЕКСАНДР ГЕНИС, НЬЮ-ЙОРК

Когда я впервые (ночью, в слепой копии) читал роман «1984», Англия, описанная Оруэллом, казалась мне аллегорией. Там все было про нас, а не про них. Но автор так не считал. И западные люди могут примириться, говорил он, «с тоталитаризмом, ведь собственный опыт научил их только либеральным понятиям и нормам». Тем более что в кошмарный тулик человечество загнала не только идеология, но и технология, дающая колоссальную мощь Большому Брату — все видеть, все знать.

Когда минул 1984 год, все вздохнули с облегчением — обошлось. Но, может быть, мы слишком рано успокоились. Война с террором вынуждает к мерам, которые слишком напоминают Оруэлла, чтобы не вызывать тревоги. Даже в Америке, где мой приятель Бахчанян 29 лет прожил без единого документа, власть окружает личность все более плотным кольцом опеки. Расплывшиеся видеокмеры (Оруэлл называл их «телекранами») теперь никогда не оставляют нас без свидетелей. Мы должны приспособиться к прозрачности мира, в котором обречены жить под вечным стеклянным колпаком. Самое ужасное, что это не плод злого умысла тирана (они не вечны), а естественная реакция вполне гуманной демократии на угрозу своему существованию. Действие рождает противодействие, подчиняясь своим, а не нашим законам...

Когда в 1948-м Оруэлл писал свою антиутопию, он не верил, что в 1984-м она станет реальностью. Он верил, что его книга поможет нам найти безопасный баланс между властью и свободой.

Реальность страшнее утопий

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Я — по правде сказать — не читал такой утопии, которая была бы страшнее и абсурднее реальности. Оруэлл в этом смысле не исключение. Хотя его роман «1984» я изучал с большим интересом. Но вовсе не потому, что он расказал мне что-то, чего я не знал. Мне кажется он интереснее прежде всего как взгляд на такое фантастическое общество со стороны, как отражение опыта человека из другой реальности, в мыслях соприкоснувшегося с чем-то страшным и непонятным. Там, кстати, весьма точно описано все то, что имеет отношение к частной жизни при тоталитаризме. Эта всеобщая зависимость и обремененность разными личными соображениями. То есть там хорошо показано, как государство проникает в личную жизнь, становится ее частью вопреки воле человека.

Я, когда писал свой роман «Москва 2042», несмотря на то, что даже названия переключаются, об Оруэлле думал далеко не в первую очередь. Мой роман это все-таки фельетон, а не антиутопия. Меня интересовали нравы той страны, где я жил и которую хорошо знал. Мне даже и выдумывать ничего не надо было, я фиксировал реальность в тех формах, которые считал литературными. Но Оруэлла я считаю крупным писателем, очень вовремя сказавшим свое слово. А это в истории литературы тоже немаловажно.

Высокое
Издана первая электронная энциклопедия арабской поэзии. На компьютерных дисках записаны 2,4 млн стихотворений 2 тысяч 300 арабских поэтов со времени появления ислама. В энциклопедию включены 10 самых известных арабских толковых словарей.

Национальное
В Третьяковской галерее проходит выставка художника из Словении Франца Михелича. Название экспозиции — «В мире демонов».

Духовное
Мощи апостола Андрея Первозванного были доставлены в Ростов. Далее православная святая будет перевезена в Севастополь.

Гастроли
В Москву приезжает Санкт-Петербургский театр им. Ленсовета. В спектакле «Король, дама, валет» главную роль сыграет Михаил Пореченков, в «Калигула» — Константин Хабенский.

Визит
Наследник испанского престола принц Астурийский Фелипе открыл вчера в Санкт-Петербурге 2-й фестиваль культуры Каталонии в России «Золотая игла». С 1 по 14 июля фестиваль продлится в Москве.

Грезы
С 15 по 19 июля в Москве будет гостить Венецианский театр «Мастерская През». К приезду приурочена выставка фотографий Поля Лютта, посвященная Венеции и венецианскому карнавалу.